

18+

Хозяика сада чёрных роз

КАТЕРИНА
КАВАЛЬЕ

Катерина Кавалье
Хозяйка сада черных роз
Серия «Серия, которую
нельзя называть»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73822278

К. Кавалье. Хозяйка сада черных роз: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-244918-5

Аннотация

«Хозяйка сада черных роз» – культовый фанфик, который покорила больше полумиллиона читателей вселенной «Гарри Поттер», теперь полностью переделанный в самостоятельное произведение. Знакомая по фандому динамика, глубина персонажей и накал страстей перенесены в антураж солнечной и коварной Италии, в мир мафиозных кланов и изощренных интриг.

Став наследницей мафиозной империи против воли, Кьяра вынуждена доказать, что хрупкая вдова может управлять кровавой игрой.

Ее брак был тюрьмой.

Его смерть – ловушкой.

Кьяра, бывшая пленница могущественного мафиози Лучиано Корсани, в один миг становится самой богатой вдовой Тосканы и вынужденной наследницей его криминальной империи. Но трон, доставшийся по кровавому завещанию, шаток. За спиной шепчутся предатели, и каждый шаг девушки зависит от воли бескомпромиссного Дамиано Росетти. Чтобы выжить, Кьяре придется принять правила мира, в который ее заточили против воли. Здесь доверие оборачивается гибелью, а спастись можно лишь одним способом – стать самой опасной хищницей в саду черных роз.

Новая серия переписанных фанфиков по Драмионе, в которую войдут самые популярные авторы фандома «Гарри Поттер»: Катерина Кавалье («Хозяйка сада черных роз»), Мария Ван («Песочный человек»), Ксения Ткаченко («Мой предатель»), Фрейфея («Необъявленная война»), Хейзи Форест («Подвалы твоего сердца»).

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	33
Глава 3	52
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Катерина Кавалье

Хозяйка сада черных роз

© Катерина Кавалье, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*** * ***

Пролог

Она уже давно не смела надеяться на выход из этого дома. Два года, проведенные в заточении, не превратили его стены ни в родные, ни хотя бы в безопасные. Каждый шаг, каждый завтрак в компании мужа, каждый выход в сад, который она теперь называла своим, напоминал: внешний мир всегда будет вне досягаемости.

Смирение настигло ее быстро. Она ловила себя на простых радостях вроде возможности встретить рассвет с балкона. Тогда свежий воздух и лучи солнца казались ей привилегией, за которую следовало благодарить.

Возможно, именно из-за смирения маленькие изменения в поведении ее мужа едва не прошли незамеченными. Мозг отказывался мечтать, стерея правильное значение слова «свобода». Можно ли хотеть разговора с отцом, встречи за кофе с друзьями, прогулки по площади, если не помнишь, каково это? Вряд ли.

Стоило отреагировать на приглашение на ужин в городе с большим энтузиазмом, но красная лампочка угрозы вспыхнула в голове. Навязчиво напоминала: «Это ловушка». Показательное проявление хорошего отношения, прежде чем сделать больше? Финальный выход в свет перед тем, как окончательно ее уничтожить? Преступникам в тюрьмах, кажется, давали право последней трапезы перед казнью. В этом была

суть?

Неизвестно, о чем думал ее драгоценный муж. Его безразличие, если не сказать – отгороженность, точно не говорило об одобрении. Однако ужин он отменять не стал, даже подарил новые платье и туфли, будто ее шкаф не ломился от хлама, который ей было некуда носить. Кьяра нередко задавалась вопросом, не была ли ее гардеробная просто его способом хоть как-то тратить тонны залитых кровью денег. Миллионы евро, пылящиеся на полках в виде бриллиантов, рубинов и сапфиров... Ее бабушку хватил бы удар.

«Кьяра-Луция Руссо, никакая побрякушка на шее не может быть ценнее помощи ближнему. Никогда не связывайся с теми, кому богатство важнее добродетели».

Слава богу, бабушка не дожидаясь до этого момента и не видела, как в глубоких карих глазах внучки поселилась эта вечная застывшая настороженность. Как непокорные темные кудри, которые Кьяра больше не пыталась усмирить, теперь просто обрамляли ее осунувшееся лицо. Пришлось бы сдать все бриллианты мира на ее лечение, но даже так Кьяра не хотела бы видеть ее разочарование.

– Синьора?

Она дернулась, оборачиваясь.

Чертовы прислужники Корсани. Вечно подкрадывались со спины.

В просторном холле особняка, залитом холодным светом люстр, сегодня было непривычнолюдно: тени охраны мель-

кали у массивных входных дверей, и воздух казался наэлектризованным перед их выездом в город.

Парень, чуть младше ее, держал пальто с умоляющим видом, словно его убьют, если она не будет готова через секунду. От этой семьи можно было ожидать многого, но точно не траты человеческого ресурса впустую. Он провел здесь слишком мало времени, чтобы об этом знать.

Кьяра позволила накинуть пальто на плечи и лишь тогда переключила внимание на мужа.

Он возвышался над ней, как и над всем в этом доме, и она поймала себя на том, что снова смотрит на него слишком долго, хотя выучила черты наизусть. Спокойные карие глаза, наполненные равнодушием, темные волосы, начавшие виться из-за влажности, и эта его невыносимая расслабленная уверенность.

В другой вселенной ей бы польстила его заинтересованность. Может, даже сильнее – она была бы рядом добровольно, рассматривая родинки или маленький шрам на виске с любовью.

В этой вселенной его глаза снились ей в кошмарах.

– И? – не выдержав, бросила Кьяра, когда молчание затянулось.

Лучиано даже не шелохнулся. Его короткое «красиво» прозвучало как привычный жест одобрения – он так редко улыбался или хвалил кого-то, что дом Корсани научился считать подобные мелочи как полноценную реакцию.

Он протянул ей руку, и Кьяра ухватилась за нее, заново оценивая собственную способность идти на каблуках. Шпильки она не надевала уже очень давно, ощущения были непривычными, почти странными, и Лучиано, несомненно, это понимал.

– Лучия, сделай мне одолжение: не оглядывайся по сторонам так, будто тебя сейчас схватят. В ресторане могут решить, что нужен вызов полиции.

Они оба прекрасно знали, что никакой настоящей угрозы она для него не представляла и никому не будет до них дела, как только они войдут внутрь. И все же Кьяра послушалась, опустила голову, стараясь не действовать ему на нервы.

Послушная жена Корсани...

В сопровождении охраны они направились к выходу и сразу к машинам. Октябрьская Флоренция встретила их промозглой сыростью, от которой асфальт блестел, отражая свет фар. Кьяра глубоко вдохнула, позволяя влажному воздуху проникнуть в легкие. Пахло прелыми листьями и землей.

Ей хотелось стоять так вечность – пока рядом гудел мотор, пока дождь снова начинал накрапывать. Голова кружилась от осознания, что она наконец-то окажется где-то в городе, среди людей. Душа уже тянулась туда и надеялась, что поездка повторится, если все пройдет хорошо.

Она должна была это право *заслужить*. Поэтому, когда Лучиано распахнул дверь, Кьяра послушно устроилась внут-

ри и уставилась на капли, скользящие вниз по стеклу.

– Даже не хочешь спросить, что за ресторан? – Сиденье рядом чуть прогнулось, когда он сел.

Сарказм тянул язык, но она удержалась.

– Я доверяю твоему выбору.

– В самом деле? – он едва заметно усмехнулся.

Она кивнула с той улыбкой, на которую была способна. Машины тронулись, а она не сумела удержать язык за зубами:

– Почему ты передумал?

Он выгнул бровь, не понимая.

– Ты поклялся, что я никогда не выйду из нашего дома, тем более не в твоём обществе, после свадьбы. Почему передумал?

Он скрывал ее от мира два года. Любой визит в дом означал, что спальню закроют на замок. Случайным очевидцам Кьяру представляли как временную гостью или дальнюю знакомую. Она не получила кольца и не знала, где лежат документы.

А теперь – вот так, внезапно – перемена, о которой она не планировала спрашивать.

Лучиано сделал самую раздражающую вещь на свете – пожал плечами:

– Захотелось разнообразия.

Ясно.

Она закатила глаза и отвернулась к окну. За стеклом про-

бегали огни и темные силуэты тосканских холмов. Машина спускалась по серпантину: оливковые рощи тянулись вдоль дороги, черные от дождя, блестящие, словно покрытые маслом.

Редкие фонари выхватывали из темноты каменные стены, потемневшую черепицу, старые ворота. Флоренция мерцала впереди мягким золотым пятном.

Кьяра поймала себя на том, что вжимается в спинку сиденья, удерживая ремень так, будто любое движение могло разрушить хрупкий сон.

Секунда – и ей показалось, что в отражении девочка, которую отец когда-то возил за мороженым, смотрела на нее с жалостью. Или с ненавистью – за то, что они позволили себе опуститься так низко.

– Возможно, это заставит тебя ненавидеть меня чуть меньше, – тихо сказал Лучиано.

– Я не испытываю ненависти, – ее голос стал сухим. – Просто желаю тебе смерти чуть чаще, чем обычным людям.

– Твои молитвы пока что не были услышаны.

– Давно не была в церкви. Построишь одну на вилле?

Он тихо, хрипло рассмеялся и больше не ответил.

Машина замедлилась. Флоренция вблизи была живой, шумной, настоящей.

Кьяра потянулась опустить стекло, и город ворвался внутрь: голоса, смех, звон посуды с террас, запах дождя, смешанный с ароматом еды.

Улица была узкой, подсвеченной оранжевыми фонарями, словно сцена из старого фильма.

Она не пыталась скрыть улыбку.

Мимо промелькнули знакомые переулки, уже без туристов, которые предпочитали более теплый сезон. Она помнила, как когда-то показывала дорогу заблудившимся иностранцам, как смеялась над очередями в галереи, как советовала рестораны... Это казалось другой жизнью.

Она знала, куда они направляются, – карту этих мест могла восстановить с закрытыми глазами. Это почти заставило ее ненавидеть его чуть меньше... но только на секунду.

Машина свернула к отелю – к той самой последней точке маршрута. У входа толпилась очередь, люди стояли в надежде попасть внутрь.

Когда-то Кьяра не могла мечтать подойти так близко.

Теперь она стояла здесь – в платье стоимостью больше, чем годовой бюджет средней семьи.

Дождь все еще моросил. Она поблагодарила себя за то, что не стала укладывать волосы – непослушные темные кудри все равно приняли бы тот же вид.

Первым вышел водитель, сразу за ним – двое охранников. Двери распахнули. Лучиано спокойно выпрямился и сделал под дождем несколько шагов, пока капли темнели на его пиджаке. Один из охранников, встретив его строгий взгляд, наклонился к дверце с пассажирской стороны.

Кьяра секунду смотрела на протянутую ладонь в черной

перчатке. Забавно – в ней было больше тепла, чем в двух годах ее семейной жизни.

Стоило выбраться наружу, как мир сразу ударил по чувствам, заставив замереть на секунду.

– Дыши, Лучия, – шепнул Лучиано, протягивая руку. – Никто не собирается тебя трогать.

Странно, но в этом ему можно было поверить даже после всего. Они сделали несколько шагов к ресторану; очередь разошлась в стороны, жадно разглядывая их. Пальцы Лучиано чуть крепче сжали ее ладонь.

Къяре было трудно разобрать собственные эмоции: восторг смешивался с гневом, радость – со смятением, тревога – с параличом.

Воздух становился неправильным, почти горьким на вкус. Сердце предательски замерло.

Лучиано обернулся к ней – всего на секунду. Мимо проходили двое служащих отеля с чемоданами.

Он посмотрел на нее, и мир замедлился.

Секунда. Меньше, чем нужно на вдох.

И все обрушилось разом.

Сожаление во взгляде ударило сильнее любой его грубости. Как будто все невысказанные слова – извинения, обещания, то, что он так и не произнес, – застыли в этой одной чертовой секунде.

Она могла бы заметить странное движение у него за правой рукой.

Могла бы.

Но слишком сосредоточилась на невозможной тихой улыбке – той, что будто бы... прощалась.

Звук, похожий на треск ломающегося льда, прорезал воздух.

Голова Лучиано резко дернулась назад.

Кьяра не успела закричать – горячее брызнуло на ее щеки, тонкой теплой дугой скользнуло по рукам.

Тело содрогнулось от шока.

Взгляд мгновенно приклеился к нему.

Казалось, чья-то рука сжала ее сердце в ледяных тисках. Даже когда тело Лучиано упало на холодную плитку, она все еще смотрела туда, где он стоял секунду назад.

Только что... ведь только что он был здесь.

Она едва понимала свое движение вниз. Колени ударились о кафель. Сквозь пелену она слышала собственный крик где-то очень далеко.

Чьи-то руки схватили ее за плечи, пытаясь оттащить, но Кьяра на инстинктах потянулась вперед.

Не было последних слов.

Не было извинений.

Только струйка крови по центру его лба, где вошла пуля, уничтожая человека, которым он был.

На секунду мир застыл.

А потом – взорвался.

– Синьора! Назад! – голос прорезал тишину так резко, что

по коже побежали мурашки.

Сильные руки рванули ее от тела, прижимая к полу, закрывая собой.

Стекло осыпалось дождем.

Охрана вырывала оружие, перекрывала коридор.

Кьяра слышала это как сквозь толщу воды.

Грудь дергалась от рыданий, но ни единого звука не было слышно.

Только теплая кровь на ладонях.

Только пустота там, где секунду назад билось его сердце.

– Уводите ее! Быстро!

Ее подняли – почти понесли прочь: по скользкому мрамору, мимо людей, которые застыли в ужасе.

Чьи-то шаги.

Крики.

Где-то далеко еще один выстрел.

Чужой мир рушился, гремел, трещал.

А ее – закончился в миг, когда его голова дернулась назад.

Глава 1

Значит, мертв.

Лучиано Корсани был мертв. Окончательно и бесповоротно. Выстрел в голову прямо на входе в ресторан, под руку со спутницей. Не спасли ни репутация, ни власть, ни кольцо охраны, с которым они вышли из машины, – пуля все равно достигла своей цели, а все новостные газеты были завалены фотографиями забрызганной кровью девушки.

Дамиано Росетти едва осознал то, что услышал от своей соты – главной женщины в этой семье и его правой руки. Он медленно провел ладонью по своим светлым волосам, откидывая их со лба, и снова замер. Бьянка некоторое время вводила их в курс дела, покручивая бокал с красным вином. Виктория, их семейный врач, слушала ее, скрестив руки на груди, а Маттео бесшумно поднялся со своего места, чтобы налить себе еще виски.

Глядя на Бьянку, Дамиано в очередной раз подумал, насколько ее хрупкая фигура обманчива. Он прекрасно знал, что за этой почти детской внешностью, короткими черными волосами и зелеными глазами скрывалась железная хватка.

Удалось выяснить немного – как об убийце, так и о девушке, сопровождавшей Лучиано. Мотивы в этом городе были у многих, но мало кто из семей решился бы убить главу крупнейшего клана.

Нужно было быть самоубийцей для такого.

Структура семей обещала безопасность и стабильность, определенный баланс, что они хранили годами. Даже если конфликты возникали, редко когда они позволяли себе развязывать войну. Отчасти поэтому Дамиано не выдвигал никаких обвинений: он считал, что Лучиано причастен к смерти его родителей, но открыто конфликт не начинал.

Он ненавидел их до глубины души – эту семейку, что выбралась с низов, но считала себя такой же, как остальные. Позволяла себе скупать дорогую недвижимость, расхаживать в роскоши и приходиться на собрания с гордым видом.

Они были никем, никем и остались, сколько бы лет ни прошло в бизнесе, которым они захватывали город.

– Грязный способ, – Виктория фыркнула с презрением.

Она больше других не любила подобные выходки: врачебная привычка ценить жизнь делала для нее любую резню бессмысленной.

– Зато действенный, – запротестовала Бьянка.

– Один неверный шаг мог все испортить, а невинные люди пострадать. Давно репутацию в народе с колен не поднимала?

Дамиано поднял голову. Штормовая серость его глаз сейчас казалась почти черной от едва сдерживаемого торжества.

– Ты такая моралистка иногда, – недовольно сказала Бьянка. – Разве ты не должна радоваться мгновенной смерти?

– Свечусь от счастья.

Учитывая, что свет от окна ложился на длинные светлые волосы Виктории, она действительно *светилась* — идеальная картинка утонченной аристократки с ледяными голубыми глазами и выражением крайнего презрения.

– Хватит, – Дамиано бросил на них обоих укоризненный взгляд. – По существу, пожалуйста. Кто теперь унаследует все дела семьи?

– В этом городе не слышали стука ножек младших Корсани, – отозвался Маттео, вернувшийся с бокалом. Дамиано ценил его не только за острый ум, но и за способность оставаться невидимым там, где темнокожий итальянец должен был привлекать внимание. Люди видели цвет кожи, карие глаза и расслабленную улыбку и совершенно упускали остальное.

Он расположился в кресле рядом с Бьянкой и ослепительно улыбнулся ей, как делал всегда. За что получил удар по плечу.

– Или жена, или его правая рука.

– Женщина не может управлять семьей, – напомнила Виктория, как будто они об этом не знали. Дамиано заметил и то, как она бросила взгляд на него, крутя между пальцев ручку, как скальпель. – Она займет эту должность только временно. Нет такого понятия, как женщина-дон.

– Звучит как обида. Такого понятия, как женщина-соттокапо, тоже не существовало, пока меня не называли сотой. – Бьянка наклонилась вперед с улыбкой.

– Как будто вне наших стен это прижилось, – Маттео ухмыльнулся.

Дамиано всерьез задумался, чтобы убрать нож для писем подальше от них обоих.

– Ты в моем подчинении, – кивнул он. – Доны не станут на равных говорить с выскочкой, что еще вчера грела Корсани постель. *Никто* из них ее не знает.

– Или прекрасно врет, – возразил Маттео.

– С чего бы? – спросила Виктория. – Они прежде всего наши союзники, затем уже Корсани.

– Рано или поздно кто-то бы проговорился, – голос Дамиано прозвучал слегка раздраженно, будто тема была совершенно неважной для него. Он взмахнул рукой, откидывая от себя обсуждение, и переключился на приглашение на столе. – Где ты взяла его?

Бьянка не отвлеклась от своего вина:

– Курьер передал.

Перехватив нож, он резким движением разрезал плотный конверт с печатью. Сомнений у него не могло быть, к тому же Бьянка никогда бы не принесла ему на стол что-то, что не подтвердила по своим каналам, – приглашение прислали Корсани.

– Не слишком ли торопится юная вдова попрощаться с муженьком? – Маттео проследил за каждым движением. – Вчера убийство, сегодня уже к похоронам готовимся?

– Власть захватывать нужно быстро.

– Ты только что говорил, что она не сможет управлять семьей. – Бьянка, конечно же, не упустила возможности напомнить ему об этом. Феноменальная память этой женщины была одним из аргументов, почему она полностью контролировала все его дела, но иногда это раздражало.

– Я никогда не говорил, что она не попытается.

Приглашение оказалось именным и подписанным от руки. Дамиано несколько секунд внимательно вглядывался в аккуратную подпись, но так и не заметил линий, сделанных дрожащей рукой.

– Нас пригласили. – Он передал бумагу в руки Бьянке, чтобы она могла вчитаться в детали.

– Сколько она там лет в семье? – полюбопытствовал Матео.

– Около двух.

– Тогда она должна знать всю историю, – вмешалась Виктория. – Я бы не назвала ее достаточно умной, чтобы представлять серьезную угрозу.

– О нет, она очень умна, – бросила Бьянка и передала приглашение дальше. – У нее нет других путей, кроме как собрать сейчас всех своих союзников и ткнуть нам, что ее клан – не разменная монета.

– Это при условии, что ее не держали насильно, – хмыкнул Матео. – Как бывшая пленница она может спровоцировать войну между семьями или перестрелку на похоронах, и ей будет все равно.

– Как и нам, – пожал плечами Дамиано и встал со своего места.

Он раздумывал над этой мыслью несколько секунд.

Если юная миссис Корсани решит отречься от своего «престола» таким образом, ему же будет легче. Она буквально подарит ему клан, а он совсем не привык отказываться от подарков.

Проблема заключалась только в том, что даже он понимал – она не сдастся.

Дамиано посмотрел на карту Италии на стене. Четкие линии и простые символы всегда указывали на занятые территории и захваченные регионы. Десятилетиями Корсани превосходили их, и столько же и отец Дамиано, и он сам хотели изменить устоявшийся порядок.

– Я хочу знать, кто она такая. Как попала в семью, с кем враждует, с кем спит, как относилась к мужу. Каждую мелочь.

Все в комнате затихли.

– К похоронам мне должно быть известно *все*.

– Будет сделано. – Он не видел лица Бьянки, но она однозначно кивнула.

– И мы идем, да? – уточнил Маттео.

– Упустить шанс познакомиться с ней лично? – Дамиано развернулся. – Запасайся виски, друг мой.

Он рассматривал портрет отца достаточно долго, чтобы задаться вопросом, какого черта вообще возникла необходимость поговорить с призраком давно умершего человека. Все равно никакого ответа с того света не прозвучит, ни совета, ни пожелания успехов в деле, за которое они боролись так долго.

Дамиано оставался наследником великой фамилии, его готовили к этому посту с самого детства, и все же он ощущал себя потерянным. Женщина во главе дома вызывала вопросы и опасения. Возможно, действительно настало время тех перемен, что обсуждались на собраниях, но вдова Корсани? Меньше всего Дамиано хотел, чтобы она стала их причиной.

Пока его люди собирали информацию и рыли носом землю, он анализировал крупницы данных, выстраивая общую картину.

Он не мог испытывать ненависти к той, кого совсем не знал. Ее лицо он видел лишь в тех газетах, что читал по утрам, и каждая из них в красках расписывала ее крики и слезы в момент убийства.

Но он мог испытывать ненависть к ее фамилии. Кьяру, независимо от того, из какой семьи она попала к Лучиано, они взрастили как равную себе – госпожу клана, и вряд ли ее принципы будут отличаться от звучавших раньше.

Все вместе это ставило перед ним вопросы, с которыми он не собирался сталкиваться еще многие годы. Чем занимался Корсани в своих спальнях, его не интересовало до момента, как он умер. Какая злая ирония.

Любил ли Лучиано жену? Действительно ли намеренно он оставил ее во главе семьи, не задумавшись даже о наследнице?

Дамиано придется с ней разобраться. Сколько лет они придерживались заповеди не трогать женщин и детей, и вот теперь одна из них стояла на пути к его власти.

Черт.

В их бизнесе и так существовали проблемы, пока полиция висела на хвосте. Если ему придется ввязаться в полномасштабную войну, это повлечет за собой бешеные расходы на подкуп правительства и еще большие траты на тех, кто должен замолчать навсегда. Ресурсы чертовски быстро заканчивались.

Его учили мыслить трезво и взвешивать все за и против. Он собрал вокруг себя самых доверенных и преданных людей, которых в том числе подсказал отец. Он удержал семью, когда та трещала по швам. Он пережил предательство близкого человека и не мог позволить своим эмоциям взять верх и потерять все.

И она чертовски сильно его интриговала. Эта женщина. Появиться из ниоткуда и исчезнуть под гнетом мужа так, что он ни разу не произнес ее имени, ни одна крыса не донесла.

Лучиано потерял жену и наследника всего пару лет назад, затем так скоро женился. Не готовил ли он себе преемницу все эти годы? Ответов не было. Ожидание казалось самой худшей пыткой, но и проблем для решения хватало.

Продолжая рассматривать знакомые серые глаза, наполненные холодом, так напоминавшие его собственные, Дамиано не собирался еще раз размышлять о том, станет ли он таким же, как отец.

Они были ужасно похожи внешне: те же светлые волосы, те же резкие скулы, высокомерие, что читалось даже через краски на холсте. И такими разными по характеру. Или он лишь надеялся на это.

Взглянув на портрет еще раз и почувствовав себя провинившимся мальчишкой, он все-таки отошел и направился в кабинет. Ему еще предстояла встреча касательно реставрации какой-то очередной важной церкви в центре города. Если бы не необходимость прикрывать теневой бизнес, Дамиано в жизни бы в это не влез.

Он перехватил девушку по пути.

– Милая, мне нужен виски в кабинете через десять минут.

С ним лишними репликами обычно не обменивались, кивка головы хватало, и он больше не считал нужным тратить время. Никакой грубости, но и излишней фамильярности в общении с персоналом Росетти не допускали.

Стоило хлопнуть за собой дверь и найти пачку сигарет, чтобы закурить, как Бьянка ворвалась в кабинет с папкой в

руках. Хотя «ворвалась» не слишком удачное слово. Она выросла в семье, где честь и манеры стояли во главе угла, и не позволяла себе бегать на двенадцатисантиметровых шпильках – только они делали ее хоть немного выше.

– Коротко, – бросил он.

Она в ответ протянула телефон с последними новостями, не произнося ни слова. Дамиано вздохнул и почти смирился, что покой с этой минуты будет ему разве что видеться во снах. Он взял смартфон и пролистал статью.

* * *

НАСЛЕДНИЦА ИМПЕРИИ: ВСЕ СОСТОЯНИЕ КОРСАНИ ПЕРЕХОДИТ К ВДОВЕ

Corriere della Sera, 17 октября 2012

Завещание обнародовано. Личность загадочной спутницы раскрыта.

ФЛОРЕНЦИЯ – Спустя два дня после трагической гибели Лучиано Корсани стали известны подробности о распределении его состояния. Согласно завещанию, составленному в августе этого года, единственной наследницей бизнес-империи покойного становится его супруга, Кьяра-Лучия Руссо, 23 года.

Документ, заверенный нотариусом Марко Вентури, не

оставляет места для двусмысленности: синьора Корсани получит полный контроль над активами мужа, включая флагманскую корпорацию Corsani Logistica, специализирующуюся на морской логистике и обработке контейнеров в порту Ливорно, охранное агентство Tirrena Sicurezza со штатом более 500 сотрудников, транспортный холдинг Corsani Trasporti Integrati, а также доли в проекте Porto Solutions и яхтенном сервисе Mare Sereno. Общая стоимость активов, по предварительным оценкам экспертов, превышает 120 миллионов евро, не считая недвижимости и закрытых инвестиционных пакетов.

Имя молодой вдовы до вчерашнего дня оставалось тайной. Инсайдеры из близкого окружения семьи сообщают, что пара состояла в браке около двух лет, однако синьора Корсани практически не появлялась на публике и избегала светских мероприятий. Ужин 15 октября стал ее первым выходом в общество за все время замужества.

«Лучиано был очень закрытым человеком, когда дело касалось личной жизни, – рассказал один из бывших партнеров по бизнесу, пожелавший остаться неназванным. – Мы знали, что он женат, но его супругу никто не видел. Он объяснял это ее слабым здоровьем и нежеланием находиться в центре внимания».

Полиция Флоренции подтвердила, что синьора Корсани была допрошена в качестве ключевого свидетеля. По словам представителя правоохранительных органов, она полностью

сотрудничает со следствием и в настоящий момент не рассматривается как подозреваемая.

* * *

Дамиано оторвался от экрана и вернул телефон Бьянке.

– Руссо, – произнес он медленно, пробуя имя на вкус. – Кьяра-Лучия Руссо.

– Теперь Корсани, – поправила Бьянка, скрестив руки на груди. – Официально. С кольцом, документами и ста двадцатью миллионами евро в придачу.

Он поджег сигарету, глубоко затянулся. Дым медленно поплыл к потолку.

– Он составил завещание в августе, – она продолжила, не дожидаясь его реакции. – За два месяца до смерти. Либо он знал, что его убьют, либо...

– Либо решил наконец-то легализовать то, что держал в тени два года, – закончил Дамиано. – Интересный выбор времени.

– Слишком, – кивнула она. – Маттео уже копает. Нотариус чист, документы в порядке, никаких следов подделки. Все законно.

– Разумеется. Он не был дураком.

Дамиано посмотрел в окно. Где-то там, за фасадом одного из этих домов, скрывалась женщина, которая за ночь превратилась из пленницы в богатейшую вдову Тосканы. Из плен-

ницы ли?

– Нашли что-то дельное?

– Немногое, – Бьянка протянула ему папку. – Родилась во Флоренции в восемьдесят девятом.

Дамиано пролистал первые страницы с фотографиями из альбомов, школьными записями, справками. Обычная девушка с темными кудрявыми волосами и улыбкой, которая казалась слишком беззаботной для той, кем она стала.

– Мать умерла, когда ей было десять, – продолжила Бьянка, устраиваясь в кресле. – Отец – бывший пожарный. Пенсионер. Живет в пригороде, ничего криминального, кроме алкоголизма.

– Образование? – Дамиано не отрывался от бумаг.

– Вот тут начинается интересное. Школу бросила в две тысячи пятом и пошла в полицейскую академию.

Дамиано поднял взгляд.

– Полицейскую?

– Ага, – она усмехнулась. – Окончила в две тысячи седьмом. Три года отслужила во флорентийской полиции. Отдел организованной преступности, была на хорошем счету у начальства. А потом...

Она сделала паузу, и Дамиано нахмурился.

– Потом *что*?

– Исчезла, – Бьянка передала ему еще одну папку. – Отец подал заявление о пропаже, искал ее месяцами. Полиция, объявления, все что положено.

– И?

– Через несколько месяцев отозвал заявление. Сказал, что дочь нашлась, все в порядке, претензий нет, но больше ее никто не видел.

Дамиано сел в кресло и откинулся на спинку, глядя на фотографию молодой женщины в полицейской форме. На ее решительный взгляд и прямую осанку.

– Корсани надавил на него.

– Надавил, заплатил, пригрозил, – согласилась она. – С тех пор ни слова о дочери, даже когда ее фотографии появились в новостях после убийства, он отказался комментировать.

Офицер полиции, исчезнувшая в конце две тысячи десятого. А в апреле одиннадцатого Лучиано Корсани внезапно женился. Закрытая церемония, никаких гостей, никаких фотографий.

– Когда была свадьба?

– Пятнадцатое апреля две тысячи одиннадцатого. – Бьянка уже держала нужный лист. – Зарегистрирована в маленькой церкви за городом, двое людей Корсани в свидетелях, никого из семьи невесты.

– Отец не пришел на свадьбу собственной дочери...

Тишина повисла в кабинете. Он смотрел на временную линию, которую Бьянка аккуратно выписала на отдельном листе, складывая даты.

Полтора года. Полтора года между свадьбой и убийством.

– Она работала под прикрытием, – внезапно произнес он.

– Это объяснило бы многое, – медленно сказала Бьянка. – Исчезновение. Молчание отца. Закрытая свадьба.

– И то, почему Корсани держал ее взаперти, – добавил Маттео, заходя в комнату, чтобы прервать их разговор. Ему манеры точно были незнакомы. – Если он раскрыл ее...

– Должен был убить сразу. Значит, использовал. – Дамиано постучал пальцами по столу. – Корсани не был сентиментальным.

– Может, влюбился? – предположил Маттео с сомнением в голосе и прислонился к стене плечом.

Бьянка фыркнула.

– Лучиано? Влюбился в копа, которая пришла его сдать? И женился на ней?

– Люди делали и более странные вещи, – пожал плечами он.

– Проверьте полицейские архивы, – приказал Дамиано. – Найдите, были ли у нее дела, связанные с Корсани, и кто был ее куратором.

– Если она действительно работала под прикрытием, информация будет засекречена, – предупредила Бьянка.

– У тебя есть три дня до похорон. – Дамиано встал. – Найди способ.

Она кивнула и направилась к двери. Маттео задержался.

– А если она просто сбежала? – спросил он. – Влюбилась не в того, семья была против?

Дамиано не обернулся.

– Его жена и сын погибли за год до этого.

Маттео замер, переваривая информацию.

– Может, напомнила ему жену?

– Или он использовал ее, чтобы заполнить пустоту, – предположил Дамиано. – Или она использовала его горе, чтобы войти в доверие. Или...

Он замолчал, глядя на папку с документами.

– Или это была сделка, – закончил Маттео. – Лучиано раскрыл ее прикрытие, она согласилась родить наследника империи в обмен на жизнь.

– Полтора года в заточении, – пробормотал Дамиано. – А потом он составляет завещание, делает ее наследницей всего и выводит в свет первый раз за два года. В тот же вечер – пуля в голову.

Маттео присвистнул.

– Кто-то очень не хотел, чтобы она получила империю.

– Или очень хотел вручить империю ей, – парировал Дамиано. – Убрать Корсани и оставить на его месте бывшего копа, которая понятия не имеет, как управлять семьей? Это подарок для всех, кто хотел захватить его территорию.

– Включая нас.

Дамиано усмехнулся.

– Включая нас.

– Ладно. Пойду помогу Бьянке, может, что-то еще всплывет.

Маттео вышел, прикрыв за собой дверь.

Кьяра выглядела принципиальной и чересчур целеустремленной. В таком возрасте попасть на работу под прикрытием, а затем оказаться в браке с сильнейшим человеком Флоренции?

Что было в голове Лучиано, когда он обещал ей вечную любовь на свадьбе? И как он допустил ее в семью? Переписал все свое имущество? Слишком много вопросов оставалось и слишком мало ответов на них находилось.

Дамиано убрал папку в ящик и переключился на рабочую встречу.

Три дня. У него было еще три дня, чтобы все выяснить.

Глава 2

Руки все еще дрожали.

Кьяра смотрела на пальцы, сидя на краю кровати, и никак не могла заставить их замереть. Кровь смыли еще в отделении – полиция настояла, взяли образцы, сфотографировали, задали сотню вопросов.

Но ощущение осталось.

Как алые капли попали на щеки, как остановилось собственное сердце, как зрение затянуло алым, пока Лучиано падал назад.

Он умер мгновенно. Почувствовал ли хоть что-нибудь в тот момент? И неужели на самом деле знал, когда улыбнулся так, будто собирался извиниться за все? Собирался ли?..

Теперь она уже никогда не выяснит и не сможет спросить, а завещание на ее имя не давало никаких намеков на намерения мертвого мужа.

Мертвого.

Мужа.

Кьяра отказывалась соединять два слова в один смысл. Это означало признать, что она потеряла последнюю стену своей безопасности перед жестоким миром, в который ее втянули.

Она желала ему смерти, но... не всерьез. Наверное. Возможно, и всерьез, и, может быть, ее молитвами все случилось

именно так. Но по ночам, зарываясь в подушку, чтобы никто не услышал крики отчаяния, она не думала о последствиях.

У нее снова не осталось выбора. Даже мертвый Лучиано умудрился решить все за нее. Великолепно.

Просто уйти она не могла – мафия никого не отпускала. Сбежать тайно? Найдут и прикончат. Попытаться остаться в семье под чужим покровительством? Кто знает, каким окажется этот покровитель. С наследством во много миллионов евро она застряла в ловушке из чужих амбиций с единственным вопросом.

Зачем?

Из раза в раз Кьяра возвращалась к нему не только эти часы, но и месяцы до этого. Зачем Лучиано взял ее в жены? Зачем оставил при семье? Зачем начал показывать ей дела клана в последние недели? Зачем повез с собой в тот вечер? Зачем переписал завещание на ее имя?

Прежняя жизнь не была сказкой, но она была стабильной. В ней не осталось места насилию с тех пор, как они заключили брак. Язык не поворачивался назвать Лучиано грубым мужем. Холодным и закрытым – безусловно, но он и не вовлекался в ее жизнь достаточно, чтобы проявлять больше эмоций.

Кьяра почти не знала, каким он представал за пределами своей комнаты. Может, он разбивал бокалы о головы подчиненных, просто никогда не показывал этого *ей*. Восемьдесят три шрама, оставленных на ее руке, стали единственными за

всю долгую историю их взаимоотношений.

И теперь он был мертв, а значит, вся стабильность рухнула. Больше никаких молчаливых приветствий, полных презрения, его тихих усмешек за завтраком и ее склоненной головы. Она получила власть. И что с ней делать, не имела ни малейшего понятия.

Ей всего лишь двадцать три. Возраст, когда полагается совершать глупости, пропадать в барах до рассвета и впервые серьезно влюбляться в парней, которые тебе явно не подходят. А не сидеть на кровати с руками по локоть в крови и размышлять, что значил для нее погибший муж.

Она не хотела всего этого... Она просто... пыталась быть полезной и нужной и выполняла свою работу когда-то.

Тихий стук в дверь заставил вздрогнуть.

– Кьяра? – голос оказался знакомым.

Она все еще смотрела на собственные руки. Дрожь почти прошла.

– Не заперто.

Нико скользнул в комнату, сразу же щелкнув за собой замком, и остановился у стены. Кудрявые волосы были растрепаны – он явно провел рукой по ним не раз за последние часы. В тусклом свете комнаты его глаза показались почти черными, хотя Кьяра и знала, что они темно-голубые.

– Выглядишь отвратительно.

Она моргнула и вспомнила все советы по тому, как быть кроткой и осторожной в своих выражениях, чтобы не злить

Лучиано лишний раз.

Но он умер. Разве теперь ей обязательно было их соблюдать?

– Человека убили на моих глазах. Как еще я должна выглядеть, по-твоему?

– Да ну, как будто это твой первый труп. – Нико наклонил голову, и его глаза сверкнули весельем.

– Ты думаешь, Лучиано мне их каждый четверг за завтраком показывал?

– Я бы не удивился.

Кьяра посмотрела на него с той долей осуждения, на которую была способна. Но эмоции снова захлестнули, и, как только Нико оттолкнулся от стены, пришлось опустить голову. Перед глазами встала картинка с лицом Лучиано сразу после выстрела и красными каплями, стекающими вниз.

– Если ты пришел сказать что-то по делу, Вьери, говори сейчас.

– Ауч, – усмехнулся он. – Собственной фамилией меня могла напугать только мать. И это было давно.

Вести с ним серьезный разговор казалось совершенно бесполезным занятием. Кьяра со стоном упала назад спиной на кровать и уставилась в потолок.

– Сто двадцать миллионов евро и целая криминальная структура. Какого черта я должна с этим делать?

– Править!

Она повернула голову, чтобы увидеть, как он проходит

по оставленным на столе украшениям. Никогда не мог удерживать руки при себе.

– Какого совета ты от меня ждешь? – Нико вернул ей взгляд, перехватив браслет с рубинами. – Дорогая, собирай шмотки, мы уезжаем на другой конец света, чтобы ни тебя, ни меня не нашли и не убили?

И правда, какая глупость. В этом мире больше не осталось уголка, где бы их не достали.

– Ты бы скорбел по нему? – ее вопрос прозвучал тихо. – Будь ты на моем месте?

Нико задумался, пока крутил все те же проклятые рубины между пальцев. Желание вырвать их у него из рук и разбить обо что-нибудь становилось сильнее с каждой секундой.

– Скорбеть можно по тому, с кем тебя связывала любовь, привязанность, уважение, общие воспоминания, планы на будущее. – Он пожал плечами. – Его смерть вызвала бы во мне...

– Облегчение, – закончила Кьяра и снова уставилась в потолок. – Мне тоже так казалось.

– Но?..

Она мотнула головой, не зная, как правильно объяснить все свои чувства. Слишком много, и все противоречивые: они вызывали в ней скорее презрение к самой себе, а не желание ими поделиться. Даже с Нико, который никогда не осуждал и умел хранить секреты.

Он продолжил шарить среди ее вещей – какое неуважение

– и в этот раз добрался до входа в гардеробную и до шкафов с одеждой.

– У тебя нет возможности лежать здесь и убиваться по нему, синьорина! Он этого не заслуживал.

Нет, не заслуживал. Но *убивалась* она и не по нему.

– И какие предложения?

– Для начала, – он вынес ей черное платье и широко улыбнулся, – привести себя в порядок. Казентино хотел поговорить по поводу наследства и похорон.

Кьяра села на кровати и посмотрела на вещь в его руках.

Она *умела* носить траур, не в первый и не в последний раз была вынуждена это делать, но с каждым днем выбирать что-то черное становилось все труднее.

Может, дело все-таки было в том, что она и не хотела?

Можно ли скучать по человеку, который сделал ее жизнь невыносимой? Можно ли вообще позволить себе лить слезы и чувствовать отчаяние внутри, тем более позволить кому-то это увидеть?

Было время, когда одежда оставалась единственной свободой, которая у нее была. Яркие цвета она выбирала назло, чтобы раздражать всю семью неуместностью.

Сейчас свобода была во всем и одновременно ни в чем – растворилась в воздухе вместе с жизнью человека, притащившего ее сюда.

– Да ладно, я же не наручники и поводок тебе предлагаю. – Нико кинул платье на кровать и аккуратно расправил

подол. – Сделай мне одолжение, Корсани, включи свою очаровательную голову.

– До чего я должна ей додуматься?

Он встал прямо перед ней и сомкнул свои пальцы на ее подбородке. Любые прикосновения были для нее такой редкостью, что по спине пробежал холод.

– Что твои грустные глаза и неуверенность не помогут тебе. – Нико впился в нее взглядом. – Либо ты собираешься, выходишь из этой комнаты и хотя бы делаешь вид, что можешь удержать эту семью. Либо бери пистолет и пусти себе пулю в висок.

Она всмотрелась в его глаза и, к сожалению, не увидела там ни тени иронии.

– Я ценю твою честность, – Кьяра дернула головой, чтобы стряхнуть его руку, – но никакая уверенность не подарит мне умение управлять гребаным бизнесом и кучей мужчин с хрупким эго.

Она не была идиоткой, знала, какой легкой мишенью сейчас являлась. Можно надеть все сокровища своей комнаты, приставить нож к чьему-нибудь горлу, но ни угрозы, ни крики, ни слезы не подарят ей уважение.

Лучиано любили, его уважали и боялись не только за то, кем он был, но и за длинную историю его фамилии, которую Кьяра отобрала. Найдутся сотни тех, кто скажет, что это несправедливость, завещание – подделка, а она – искусный манипулятор.

И ей будет нечего противопоставить.

– Они все равно будут тебя недооценивать, – Вьери и не планировал останавливаться. – Ты не исправишь их отношение, но можешь обернуть его против них, если начнешь учиться.

– Учиться *чему*?

– Всему, – он мягко улыбнулся. – Кейл знает бизнес лучше кого-либо и может научить тебя. Я могу научить тебя. Люди, что служили ему, будут служить тебе, если покажешь, что заслуживаешь этого.

Кьяра посмотрела на черное платье снова.

– Предлагаешь просто выйти и сделать вид, что я все знаю?

– Именно, – Нико кивнул. – Держи спину прямо, смотри им в глаза и говори то, что они хотят услышать. Мы заставим их поверить в то, что ты была здесь всегда и тебя готовили в наследницы.

– Это безумие.

– У тебя нет другого выбора, Кьяра. По-твоему, Лучиано не хотел сбежать и отказаться от того, что ему досталось?

Она замолчала. Никогда не думала об этом. Не то чтобы личные переживания мужа ее волновали.

– Если ты не дашь им отобрать у тебя семью, больше никто не посмеет указывать тебе. – Нико наклонился вперед, изучая ее лицо. – Заставь их почувствовать свое правление до того, как оно начнется.

Управлять бизнесом? Контролировать деньги, перевозки, людей? Она понятия не имела, с чего начать. Даже если Кейл будет учить и если Нико поможет, потребуются месяцы, *годы*, чтобы разобраться во всем этом.

Но притвориться?

Выйти из комнаты с поднятой головой, посмотреть в глаза тем, кто ждет, что она сломается. Сказать правильные слова. Держать спину ровно, не дрогнуть, не показать страх.

Это она могла.

Полтора года Кьяра только этим и занималась. Каждый завтрак с Лучиано, или молчаливый ужин, или встреча со служащими дома – она выбирала роль кроткой покорной жены, обеспечивающую ей безопасность.

А теперь нужно было сыграть другую.

– Спектакль, – тихо сказала она, глядя на Вьери. – Ты говоришь о спектакле.

– Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль.

Кьяра едва не рассмеялась над тем, с каким серьезным лицом и интонацией он цитировал Шекспира. Нико не производил впечатление человека, знающего подобные строки наизусть. Он улыбнулся ей уголком губ и посмотрел еще более пристально, заставляя задуматься.

Она *умела* притворяться. Все остальное – числа, контракты, логистика – можно было отдать другим. Главное – пере-

жить следующую пару дней. Просто пережить. А потом... потом можно думать.

– А если провалюсь?

– Мы оба умрем, – он пожал плечами. – Постарайся не облажаться.

Два года назад ее втянули в этот мир против ее воли, лишили всего, заперли в чужом доме, забрали голос, право распоряжаться собственной судьбой.

А теперь у нее появились власть, деньги и целая империя. Кьяра могла обернуть это себе во благо... Нико прав. Никто больше не посмеет указывать ей, и никто больше не навредит тем, кто ей дорог.

Вьери заставил ее поднять голову и мягко провел по щеке, стирая оттуда невидимые слезы. Он изучал ее тщательно несколько секунд, как будто высматривая, провалится ли этот «великолепный» план, хватит ли его уверенности на них двоих.

– Ты же бывший полицейский под прикрытием. У тебя получится.

– Я попалась, – напомнила Кьяра с усмешкой.

– Или тебя сдали... Теперь, когда у тебя в руках все ресурсы мира, можешь выяснить.

Она нахмурилась, обдумывая этот довод. Мотивация была слишком соблазнительной, и, судя по всему, Кьяра вполне могла ей поддаться.

– Пусть будет по-твоему. Но...

– Никаких «но», – оборвал ее Нико. – У тебя час. Приведи себя в порядок, спустись вниз и подпиши завещание.

Он отпустил ее лицо и направился к двери.

– Кейл будет ждать в кабинете Лучиано.

– Нико, – окликнула его Кьяра, когда он взялся за ручку.

Он обернулся.

– Спасибо.

Въери усмехнулся.

– Не благодари раньше времени, госпожа. Может, я веду тебя на убой.

– Я не удивилась бы, – она почти улыбнулась.

Он кивнул и вышел, прикрыв за собой дверь, оставив ее в одиночестве. Часы отсчитывали пятьдесят девять минут до встречи. Как много можно сделать за такое количество времени, чтобы притвориться той, кем не являешься...

Кьяра решила начать с другого.

Она набросила на плечи халат, наспех завязывая пояс, и босиком вышла из комнаты. Коридор оказался пустым, как и ожидалось. Объясняться кому-то в своих действиях совершенно не хотелось, хотя отговорку Корсани бы определенно нашла – этот навык Лучиано развил в ней лучше других.

Она проскользнула мимо приоткрытой комнаты Нико, не остановившись, и дошла до нужной двери. С момента смерти Лучиано замки здесь больше не запирали – секреты, хранившиеся внутри, уже не от кого было прятать, а гостей в их доме сейчас не ждали.

Еще раз осмотревшись, проверив часы на запястье и убедившись, что ей никто не помешает, Кьяра зашла внутрь кабинета своего покойного мужа и заперлась.

Сколько же раз она пыталась сюда попасть, подгадывала время, крала ключи, но тщетно.

Теперь целый мир, записанный на шифрованных бумагах, был в ее руках. Несмотря на то что по закону каждый предмет в комнате будет принадлежать ей, она не могла рассчитывать на легкий допуск со стороны того же Кейла. Казентино верно служил им годами, и он не допустит, чтобы она влезла туда, куда не стоит. Чтобы узнала то, к чему еще не готова.

Но Кьяра все равно узнает.

Папки в ящиках все касались наиболее открытой части их дела. Официальный бизнес, иными словами, его контракты, записки со встреч, хаотичные заметки и расписание. Кьяра пролистала несколько – они ей ничего не говорили.

Пришлось перебрать в памяти каждое воспоминание о муже. Он проводил в этом кабинете часы, если не сутки. Что и куда он бы мог положить?

Она обошла стол и присела в кожаное кресло, все еще пахнущее его одеколоном. От запаха сжалось горло, но она заставила себя не обращать на это внимания.

Верхние ящики стола были открыты, в них, кроме ручек, не лежало ровным счетом ничего интересного. Как будто если бы к нему пришли с проверкой, он бы показал их первы-

ми, чтобы доказать свою невиновность.

Кьяра потянула за ручку ниже, и ящик оказался заперт. Неочевидно. Она попыталась еще раз в надежде, что замок просто заклинило, – не помогло. Перехватив со стола тонкое лезвие ножа для писем, она попыталась просунуть его в щель, но сразу поняла бесполезность затеи. Нож был слишком толстым, а замок – явно не из дешевых.

Она выдохнула и огляделась. В полиции ее учили взламывать замки – базовый навык для работы под прикрытием, – но ей нужны были инструменты. Шпилька. Скрепка. Что угодно тонкое и гибкое.

Взгляд упал на письменный набор. Ручки, карандаши... и металлическая скрепка, скрепляющая стопку бумаг. Кьяра схватила ее и выпрямила, согнула кончик под нужным углом и вернулась к ящику. Присела на корточки, вставила импровизированную отмычку в замочную скважину.

Пальцы помнили движения – легкое давление, нащупать штифты, поймать момент...

Щелчок.

Ящик поддался.

Выдохнув, Корсани потянула его на себя, надеясь увидеть хоть что-нибудь дельное. Она ожидала списка предателей, доказательств каких-нибудь темных дел, досье на убитых, в конце концов, но обнаружила там только еще больше официальных документов. Все они напоминали те же бумажки, с которыми сама когда-то работала в его фирме.

Господи боже, Лучиано... Он же где-то все это хранил, но где?

Кьяра откинулась на спинку кресла и посмотрела на кабинет глазами человека из полиции, каким была когда-то.

Если бы сюда пришли с обыском, что бы они проверили первым делом? Сейф – очевидно. Ящики стола – само собой. Книги – классика. Картины – стандартная процедура. Компьютер изъяли бы сразу, вскрыли пол, чтобы найти тайники, *проверили* вещи в шкафах.

Лучиано вырос в этом мире, знал, как работают копы, как мыслят следователи.

Значит, прятал там, куда они даже не подумают заглянуть.

Ее взгляд скользнул по комнате. Массивный стол. Книжные шкафы. Кожаный диван у стены. Торшер в углу. Глобус-бар – подарок от какого-то партнера, стоял у окна, пылился...

Стоп.

Кьяра поднялась и подошла к глобусу. Всего лишь потерятая полусфера с картой мира. Декоративная ерунда, которая есть в каждом втором кабинете успешного мужчины – какое чертово клише, никто и не обратил бы особого внимания.

Она провела рукой по экватору – открылась верхняя половина, обнажив внутренние полки с бутылками виски, наверняка дорогущими, но в целом непримечательными. Но все же Кьяра постучала костяшками по дну глобуса. Глухой звук.

Слишком глухой. Она нащупала края внутренней полки, потянула вверх – не поддалась. Надавила вниз – щелчок. Дно сдвинулось в сторону, открывая тонкое отделение с еще несколькими папками без подписей или маркировок.

Росетти.

Сердце забило быстрее. Кьяра перевернула первую страницу и тут же наткнулась на знакомую фотографию. Собственную. Досье, чем-то напоминающее лежащее в полицейском участке, выглядело совершенно пустым. Годы ее жизни, работы, отчеты о семье – бесполезно. Пока на глаза не попались рукописные заметки рядом с вырезкой газетной статьи.

«Перестрелка на виа Гибеллина, 15.05.1999. Потери с нашей стороны: Марко Вентури (солдат). Потери с их стороны: нет. Жертвы среди гражданских: Лаура Руссо, предположительно, случайный свидетель».

Ниже приписка другим почерком, более небрежным:

«Проверить связь Руссо с утечкой информации о схеме с лекарствами. Она работала медсестрой в той же больнице. Совпадение?»

И ответ почерком Лучиано:

«Связь вероятна, доказательств нет. Росетти зачистили следы. Если она сдала их – они знали. Если знали – убили намеренно. Случайный свидетель – прикрытие».

Кьяра перечитала строки дважды.

Ее мать... сдала Росетти?

Нет. Не может быть.

Мама была медсестрой. Обычной, тихой, доброй. Она лечила людей, а не... Она попала под случайную пулю в тот день, когда просто возвращалась с работы, много лет об этом ей говорили все: от отца до ее близких подруг.

Она узнала о нелегальной схеме с лекарствами, работая в больнице, и пошла в полицию?

Тогда Росетти убили ее не случайно. Они *целились* в нее.

Кьяра сжала бумагу, выдыхая. Мама была причиной, по которой она вообще оказалась в полиции, в отделе борьбы с мафией. Но никто и подумать не мог, или просто не сообщил ей, что все уходило корнями так глубоко.

Она заставила себя дышать и взяла следующую папку.

На этот раз фотографии женщины и мальчика, оба темно-волосые, с немного выющимися волосами. Жена и сын Лучиано – их лица Кьяре были давно знакомы, снимки периодически попадались в доме. Под ними еще одна газетная вырезка.

«Автомобильная катастрофа унесла жизни двоих».

12 августа 2010 года.

«Доминика Корсани, 29 лет, и ее сын Нико, 4 года, погибли в результате...»

И снова отчет.

«Автомобиль взорван. Профессиональная работа. Цель: устранение семьи Л.К. для ослабления позиции. Предполагаемый заказчик: Росетти».

Кьяра медленно прикрыла глаза.

Росетти.

Снова эта проклятая фамилия.

Они убили ее мать. Они убили жену и сына Лучиано? Ярость поднялась волной, обжигающей, почти ослепляющей, так что рассмотреть написанное в третьей папке оказалось не так-то просто, а ведь в ней хранился целый список различных имен, предположений и доказательств.

«Марчелло Ферранте – нет. Слишком труслив».

«Лука Д’Анджело – нет мотива. Союз крепок».

«Антонио Скьяретта – возможно, но маловероятно.

Дочь – рычаг».

Вторая страница – те, кто остался:

«Дамиано Росетти – ВЫСОКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ. Мотив: месть за родителей (?) + территория. Слишком молод? Не захочет развязывать войну?»

Кьяра перевернула страницу.

«План на следующие 6 месяцев:

1. Союз со Скьяретта – брак с младшей дочерью Сиеной. Укрепит позиции на севере.

2. Венеция – усилить связи с торговцами оружием. Джованни Блэйвуд – ключевая фигура. Возможна сделка на мас-караде (январь).

3. Флоренция – давление на Префекта. Семья, долги, связи – можно использовать.

4. Ди Кристина – надежны. Развивать совместные про-

екты, особенно в строительстве.

5. Табак – расширять. Рынок растет, конкуренция слабая».

Кьяра читала и перечитывала, запоминая каждое слово. Лучиано оставил ей дорожную карту, полноценный план и все, что нужно, чтобы вести семью дальше. Неужели на самом деле догадывался, что умрет так скоро и кому-то придется взять все на себя?

С Ди Кристина Кьяра уже была знакома. Но Росетти... Она могла вспомнить пару статей, где упоминалась эта фамилия, но совершенно ничего конкретного. Лучиано был замешан в убийстве кого-то из них? Или они так думали, а потому мстили?

Раз за разом перечитывая заметки, Кьяра все больше убеждалась, что именно их Лучиано считал виновными во всем. Смерть ее матери не нуждалась в доказательствах, но смерть жены и сына и его самого... Как будто слишком много совпадений для случайности.

Последняя страница обрывалась на очередной записи.

«Франческа Ди Кристина. Встреча, 20 октября в 21.00».

Это Кьяра тоже отложила в голове, пообещав себе вернуться к женщине, явно что-то знающей. За дверью раздались шаги и сразу несколько голосов, поэтому пришлось спешно убрать все документы внутрь.

Может, о них уже знали, а может, и нет. Рисковать не стоило.

Дождавшись, пока в коридоре станет тихо, она щелкнула замком и быстро пошла назад к своей спальне.

В голове крутился только один вопрос: придут ли Россети на похороны ее мужа?

Глава 3

Никогда в мире мафии похороны не называли неожиданностью. Их семьи и кланы шли со смертью рука об руку.

Дамиано привык к бессмысленным церемониям, устроенным исключительно ради живых. Он провожал и отца, и мать, и друзей, и союзников, и даже врагов, и давно утратил возможность произносить искренние слова сожаления. Либо боль горела в нем так глубоко, что не выражалась словами, либо ложь становилась настолько откровенной, что произносить ее было попросту стыдно.

Но, пожалуй, никогда прежде во Флоренции смерть не превращали в зрелище такого масштаба.

Полиция перекрыла половину улиц с самого утра. Пресса заполнила площадь у входа в Санта-Кроче. Толпа пришла такая, будто хоронили не главу криминального клана, а мэра, кардинала, национального героя – кого угодно, только не того, чье имя чиновники обычно боялись произносить вслух.

Вся масса людей двигалась тихо, будто город заранее согласился говорить на полтона ниже обычного, чтобы не нарушить некую хрупкую декорацию скорби, которую Корсани умудрились воздвигнуть вокруг имени своего мертвого донна.

Дамиано вышел из машины, задержав взгляд на бесконечной линии голов, горящих свечей, телефонов, поднятых

вверх, на лицах. Присутствие на этих похоронах даровало им что-то большее, чем право смотреть, – возможно, ощущение сопричастности к истории, которую они никогда не разделяли.

Открыв вторую дверь, он протянул руку Виктории и помог ей выйти. Сразу за ней показался и Маттео, оглядывающийся по сторонам. Разумеется, он искал любую угрозу из толпы. Совершенно зря. Они все выучили негласный закон наизусть:

Смерть не делила людей на своих и чужих – она шла туда, где ее ждали. Но похороны были одним из немногих мест, где ее не приглашали ни по чести, ни по правилам.

В этих стенах никто не позволит себе вытащить оружие. Храм окончания жизни являлся священным для всех, независимо от семьи или положения. Он напоминал о том, как коротка история тех, кто связал ее с мафией.

– На нашем веку такого еще не было... – протянула Виктория, обхватывая локоть Дамиано.

– Не так много донов умирало в последнее время. – Маттео пошел на шаг позади них. – Не считая Алессандро, конечно.

От мысли об отце в такой день едва не передернуло.

– Он и не хотел таких похорон.

– Могу понять почему, – кивнула Виктория и больше не произнесла ни слова.

К лучшему. Все размышления Дамиано были заполнены

совсем другим. Он поднял взгляд на ступени Санта-Кроче, осматривая знакомые стены и колонны. Осенний свет делал фасад бледнее обычного: белый мрамор слегка серел, арки, узорчатые карнизы и острые линии окон казались еще более угрожающими.

Выстроенные у входа доны выглядели как живая хроника истории города. Каждая фамилия была отмечена в истории десятилетиями, а то и веками власти, и каждая так или иначе держала в руках всю Италию.

И сегодня *они* пришли отдать честь Корсани.

Парадокс, от которого хотелось усмехнуться. Человек, чью родословную никогда не признавали, будет стоять в одном ряду с ними – наконец-то равный, но только после смерти.

Темные костюмы, длинные черные пальто, серебристые волосы некоторых стариков, тяжелые кольца, которыми они привычно перехватывали трости. Все они стояли неподвижно, как часовые у гробницы.

И ни один не позволил себе смотреть в сторону, пока процессия готовилась показаться из-за поворота.

Лучиано при жизни не удостоивался таких почестей. Даже мечтать не мог. Его боялись, уважали, считались с ним, но никогда не признавали.

Шорох прошел по толпе.

Как будто кто-то невидимый отодвинул занавес, и весь город вытянул шею одновременно в попытке поймать глаза-

ми катафалк, что провозил тело Корсани по городу. Напряжение стало почти физическим, начало давить на грудную клетку.

Если бы кто-то заговорил, слова утонули бы в этом плотном воздухе.

Дамиано задержал дыхание и наконец разглядел издали первые машины черного кортежа. Они проезжали мимо толпы, двигаясь достаточно медленно, чтобы люди успевали попрощаться. Кто-то крестился, кто-то склонял голову, кто-то вытирал слезы.

Вокруг них на ступенях церкви тоже немного переместились люди. Чтобы смешаться с толпой и не создавать лишних препятствий, позади встали Маттео и Виктория. Она мягко коснулась плеча Дамиано в знак поддержки, но почти сразу опустила руку.

Шум окончательно прекратился, когда десяток машин замер у церкви. Люди выходили: кто-то казался знакомым, кто-то явно появлялся на публике впервые. Тем не менее прибывшие не производили впечатления молодых членов клана – напротив, каждый из них понимал, где находится и зачем. В их взгляде горели искренняя скорбь и почтение, которое они приготовились выразить своему дону.

Шестеро мужчин подняли гроб из темного дерева, сразу же принимая его вес на свои плечи, и под мертвую тишину отправились к дверям.

Дамиано сразу заметил Кейла Казентино – человека

слишком знакомого. Их пути пересекались дважды, и каждый раз Дамиано убеждался, что Кейл оставляет после себя кровавый след, видимый лишь немногим.

Он относился к тем, кто служил семье Корсани не одно десятилетие, и его присутствие подле вдовы не могло быть сюрпризом. К тому же Казентино всегда уважал женщин. В общем-то, как и любой член мафии. В культе поклонения женщинам был свой практический смысл: жены владели мощнейшим оружием, которое в любой момент могли направить против мужей, – пойти в полицию и сдать всех.

– Вот она, – шепнул Маттео и кивнул назад на автомобиль.

Ручка щелкнула, вперед выскочила охрана, и только затем *она*... Кьяра Корсани.

Вуаль скрывала ее лицо полностью, оставляя лишь теплый отблеск волос, собранных в узел, и слабый блеск жемчуга у шеи. Никаких украшений, кроме этого – и все равно больше чем достаточно, чтобы ее появление ощущалось как удар по легким.

Дамиано знал, что ей всего двадцать три, но она выглядела куда моложе и совсем хрупкой в черном платье и перчатках, сжимающая букет белоснежных роз. Таких ярких, что они светились даже в осенней серости.

Он не видел ее глаз. Не знал, что скрывалось под кружевом: холод, страх, ярость, пустота? В том, как она держала спину и шла вперед, не опуская головы, было что-то

слишком уверенное для двадцатитрехлетней девушки, которая только что потеряла мужа.

Возможно, именно это и заставило его задержать взгляд.

За ее плечами сразу выстроились люди – узкий, плотный ряд мужчин, которых Дамиано знал лишь по фамилиям и редким встречам.

Кьяра окружила себя влиятельными людьми, которые были преданы ее семье десятилетиями, если не веками. Она выбрала тех, кто будет служить ей, потому что они дали клятву и не оставят ее, даже если нынешнее руководство будет их не устраивать. И они не позволят ей утонуть, потому что захлебнутся кровью вместе с ней.

Процессия тронулась вперед, к дверям базилики, с Корсани во главе.

Она была так близко, что можно было протянуть руку, дотронуться до нее кончиками пальцев. Почувствовал бы он дрожь ее плеч? Или разглядел бы слезы?

Он не видел, но знал, что ее внимание приковано к нему. Отвечал ей тем же, пока Кьяра не скрылась в дверях, а сам Дамиано не оказался в толпе постепенно утекающих внутрь людей.

Ладан висел под сводами тяжелым сладким дымом, орган тихо тянул свою мелодию, и стенам Санта-Кроче, казалось, больше ничего и не требовалось.

И когда Дамиано снова нашел ее, она дошла до самого алтаря к гробу, накрытому черной тканью. Священник коснул-

ся ее плеча:

– Господь утешает тех, кто идет в сени смертной. Будь сильной, дочь моя.

Капли упали на дерево, на цветы, на камень пола.

Кьяра перекрестилась, склонив голову, и положила розы на паллий. Сперва она поправила лепестки, будто укладывала что-то очень живое, и только потом тихо заговорила:

– Господь, если ты все еще слушаешь таких, как мы... – она вдохнула, закрыв глаза. – Прости ему то, чего не простила я. Прости за все, что он успел сделать. И за то, чего не успел.

Несколько свечей поблизости дрогнули.

– Я не знаю, что ждет его там, – продолжила она шепотом, – но пусть это будет мягче, чем то, что он получил здесь.

Она наклонилась и осторожно коснулась губами края крышки.

– *Requiem aeternam dona ei, Domine...*¹ и свет Твой пусть ведет его. Аминь.

Дамиано видел перед собой ту, чей голос срывался на каждой букве, он слышал пролитые слезы, смотрел на скорбящую вдову. И когда она развернулась, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, он увидел последствия всех страданий.

Она была поистине красива. Выразительные глаза, изящные черты лица, не тронутые ничем, кроме семейного горя, отразившегося на ее явной худобе. Они смотрели друг на

¹ Покой вечный даруй ему, Господи.

друга через весь проход, замершие во времени.

Корсани напоминала Дамиано кого-то, кого он знал давно, но видел впервые. Он не мог не задуматься, что у нее, этой девушки чуть младше него, придется отобрать все только потому, что она оказалась женой не того человека.

Казентино подал ей руку и подвел к месту. Промокнув глаза платком, Кьяра разместилась в первом ряду и больше не позволила себе обернуться.

* * *

Люди выходили медленно, разговаривали о том, что не предназначалось для чужих ушей. Кто-то подходил к семье, еще раз выражал соболезнования, ловил мимолетную улыбку юной вдовы и ее сдержанные благодарности.

На похоронах такого человека ни у кого не было слез, но сожаление все равно витало в воздухе.

– Что думаешь? – Виктория отвлеклась от беседы с кем-то из семьи Скъяретта и наконец вернулась к нему с логичным вопросом. Маттео до сих пор оставался в толпе.

– Упрямая, – только и бросил Дамиано, еще раз осмотревшись. Корсани не находилась. – Будет стоять до последнего.

– Но...

– Слабое место есть, и где-то на поверхности. Ты выяснила что-нибудь?

Она мотнула головой с очевидной досадой.

– Никто ничего не знает. Я надеялась на Ди Кристину, у них с Корсани были связи, но там тоже...

Виктория прервалась на полуслове, Дамиано сразу поднял взгляд. Кейл появился так, будто просто вышел из воздуха.

– Синьор Росетти, – произнес он и наклонил голову на миллиметр, ровно настолько, чтобы не оскорбить, но и не показать уважения.

Виктория приподняла бровь. Маттео, кажется, тоже заметил изменение обстановки.

– Казентино, – кивнул Дамиано так же ровно.

Тишина между ними стала странно плотной. Они оба слушали ее, как будто пытались выяснить, что скрывалось за шумом утекающей толпы.

Кейл заговорил первым:

– Мадонна желает поговорить лично.

– Сейчас?

Врать он бы не стал, его это удивило.

Казентино слегка склонил голову.

– У нее был тяжелый день, но она в полном порядке и хочет... ясности.

Слово прозвучало так, что Виктория улыбнулась – профессиональная оценка: Кьяра держится.

– Что именно она хочет обсудить? – спросил Маттео, как только оказался рядом.

– Детали разговора меня попросили оставить в тайне.

Всегда такой вежливый и обходительный... Если он еще

не продавил Корсани на полное подчинение правилам, Да-миано даже удивится. Он осторожно опустил руку Виктории со своего локтя и махнул вперед.

– Веди.

Казентино, очевидно, раздражало само присутствие семьи Росетти, еще и такое наглое, но ни одной эмоцией он этого не выдал. Вместо этого показал дорогу вдоль бокового прохода.

Дамиано бросил взгляд на Викторину – она лишь слегка пожалала плечами и подхватила под руку уже Маттео. Идти пришлось, тем более что интерес и так не давал покоя все эти долгие часы церемонии.

– Она ждет в ризнице. – Казентино дал ему дорогу к двери и отступил.

Он останется стоять у двери, в этом сомнений не было – на случай, если что-то пойдет не так. Недолго думая Дамиано дернул ручку без лишних вопросов о том, почему девушку вообще допустили в ризницу, и зашел внутрь.

Потратив часы, наблюдая за ней, Дамиано мог узнать Кья-ру за километр. Сейчас ее плечи казались напряженнее, а весь профиль как будто острее. Что-то невесомо изменилось по сравнению с той, что клала букет белых роз на гроб мужа.

– Синьора, – он не обязан был, но все равно немного на-клонился вперед.

Она едва ли шевельнулась, уголок ее губ дрогнул в подо-бие улыбки.

– Оставь это. Спектакль уважения закончился.

Он медленно выпрямился, не удержавшись от пораженного смешка.

Кьяра повернулась к нему, бегло осмотрела с ног до головы.

– Давай пропустим лишнее, Росетти. Я спрошу только один раз.

Он выдержал ее взгляд. Легкий шум издалека, запах ладана, холод каменной стены позади – все исчезло. Осталась только она с самым банальным вопросом на свете.

– Ты причастен к его смерти?

– Нет.

Что-то мелькнуло в этих карих глазах, полных отчаяния и гнева. Из нее старательно делали госпожу, но истинная натура загнанной лани пробивалась наружу.

Что она знала?

– И ты не знаешь кто?

Дамиано качнул головой с усмешкой.

– Это не мое дело.

Кьяра хмыкнула и отвела взгляд всего на секунду.

– Верно. *Моя* семья – не твое дело.

Она наклонила голову и вдруг стала до невозможного похожа на человека, который наконец понимает, что власть можно носить как одежду – если правильно застегнуть пуговицы.

– Но если ты решишь сунуться ближе, чем стоит...

Она сделала шаг.

Он почувствовал ее духи.

– Я позабочусь, чтобы твои похороны в этой церкви стали следующими.

Кьяра обошла его, задев плечо своим.

– И я не предлагаю мир дважды, Росетти.

Он не посмотрел ей вслед, но широко улыбнулся.

Не было ничего, что он любил бы больше, чем игры с судьбой.

Однажды его люди будут стоять на его похоронах, безусловно, но совсем не скоро.

Глава 4

Ей просто было необходимо сесть. Закрывать глаза, выдохнуть, закончить этот проклятый день. Все что угодно, лишь бы уже не находиться в церкви и не притворяться человеком, которым она не являлась.

Язык до сих пор обжигали слова, которые она произнесла Росетти. Чужие слова. Кьяра никогда бы на такое не осмелилась сама, ей не хватало мужества, как бы злость ни переполняла изнутри.

Иногда она язвила в разговорах с мужем, еще больше – с Нико или Кейлом, но чтобы вызвать к себе человека, нет, мужчину куда влиятельнее нее и высказать такое... Повезло, что он не заметил, с какой силой пришлось сжимать пальцы. Руки до сих пор дрожали от паники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.